

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСТРЕБИТЕЛЬНЫХ БАТАЛЬОНОВ ВОРОНЕЖСКОГО ПРИХОПЕРЬЯ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ И ЗАДЕРЖАНИЮ ДЕЗЕРТИРОВ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1942)

Е. М. Муминова

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

Поступила в редакцию 20 декабря 2022 г.

Аннотация: в статье с привлечением материала из региональных архивов показана оперативная деятельность истребительных батальонов Народного комиссариата внутренних дел по выявлению и задержанию дезертиров в Воронежском Прихоперье в 1941–1942 гг.

Ключевые слова: истребительные батальоны, Народный комиссариат внутренних дел, Совет народных комиссаров СССР, дезертиры, Воронежское Прихоперье.

Abstract: the article using material from regional archives, shows the operational activities of the extermination battalions of the People's Commissariat of Internal Affairs to identify and detain deserters in the Voronezh Prikhopye in 1941–1942.

Key words: extermination battalions, People's Commissariat of Internal Affairs, Council of People's Commissars of the USSR, deserters, Voronezh Prikhopye.

В грозные годы Великой Отечественной войны руководству страны пришлось пойти на создание военизированных формирований, отличавшихся по своим функциям и организационной структуре от регулярных воинских частей. Государство пошло на этот шаг в связи с катастрофической обстановкой, сложившейся в первые дни войны. Особое место при этом отводилось истребительным батальонам, основное предназначение которых заключалось в обеспечении крепкого, надежного тыла, без которого невозможно было вести успешную вооруженную борьбу с врагом.

Современные исследователи в целом уделили должное внимание изучению деятельности этих подразделений в годы Великой Отечественной войны на территории Центрального Черноземья. Однако деятельность истребительных батальонов Воронежского Прихоперья по выявлению и задержанию дезертиров изучена недостаточно, поэтому мы решили восполнить этот пробел.

Дезорганизация нашего тыла в первые два дня войны разведывательно-диверсионными подразделениями противника потребовала от руководства страны принятия решительных мер по усилению его охраны и обороны. Принятое 24 июня 1941 г. Постановление СНК СССР № 1738-746сс «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» [1,

л. 186–187] предусматривало создание при городских и районных отделах НКВД истребительных батальонов, на службу в которые привлекались наиболее надежные лица «из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием» [2, л. 161–162]. Командные должности замещались надежными оперативными работниками НКВД и милиции. По причине отсутствия других резервов у государства именно на эти военизированные формирования возлагалась задача по обеспечению безопасности тыла и борьбе с его дезорганизаторами.

Организация истребительных батальонов в Воронежском Прихоперье была начата уже в конце июня 1941 г. Одним из первых был создан батальон в городе Борисоглебске [3, л. 36]. Затем они последовательно были сформированы в Верхнем Карачане, Грибановке, Новохоперске. Кроме своей основной задачи по нейтрализации парашютистов и диверсантов, личный состав батальонов с первых дней своего образования приступил к охране особо важных объектов, имеющих экономическое и оборонное значение, осуществлял контроль за паспортным режимом, соблюдением режима светомаскировки. Перед бойцами истребительных батальонов были поставлены задачи по сбору вражеских листовок и их уничтожению, задержанию паникеров и распространителей слухов, а также лиц, подававших сигналы вражеской авиации с помощью ракет. В обязанности личного состава входило задержание шпионов, бандитов и их пособников, мародеров, уголовного элемента, сбежавшего

из мест заключения, граждан без документов, подозрительных лиц, спекулянтов.

Летне-осенний период 1941 г. был напряженным для истребительных батальонов Воронежского Прихоперья. Регион стал местом формирования воинских частей. Через станции Поворино, Борисоглебск, Грибановка, Новохоперск следовали в большом количестве воинские эшелоны, делая здесь остановки. В районных центрах Прихоперья разворачивались госпитали. Город Борисоглебск, кроме того, являлся крупнейшим аэроузлом, обслуживающим перелетающие на фронт авиачасти. Населенные пункты были наводнены эвакуированными. Такая обстановка позволяла здесь легко затеряться и дезертирам, и вражеским агентам, и диверсантам. Именно в это время на территории Воронежского Прихоперья появляются лица, самовольно ушедшие из команд призванных в армию, и дезертиры из воинских частей [4, л. 71–72]. Перед истребительными батальонами была поставлена задача – задерживать всех дезертиров, а также призывников и военнослужащих, проходящих без своих команд и частей, разоружать их и передавать соответствующим органам [там же, л. 70].

Дезертирство из Красной Армии представляло наибольшую опасность среди преступлений, совершавшихся в годы войны. Современные исследователи полагают, что за годы Великой Отечественной войны около 1 млн 700 тыс. солдат и офицеров бежали из воинских частей, не желая сражаться [5]. Первый период войны был наиболее сложным в борьбе с дезертирством. Это было вызвано как самим масштабом этого явления, так и отсутствием опыта у сотрудников НКВД и милиции, значительная часть которых была призвана в армию. Самое большое количество дезертиров было в 1941–1942 гг. На конец декабря 1941 г. в тыловых районах было задержано по подозрению в дезертирстве 189 137 человек [6, с. 305]. За период с 22 июня по 31 декабря 1941 г. в Воронежской области было задержано 9752 дезертира из Красной Армии, 4389 уклонившихся от призыва в армию и 1635 отставших от своих воинских частей [7, л. 21]. В этом была большая заслуга истребительных батальонов Воронежского Прихоперья.

Привлечение истребительных батальонов к выявлению и задержанию дезертиров стало мерой своевременной и правильной. Они организовывали в населенных пунктах дозоры и патрулирование, брали под агентурный контроль вокзалы, станции, клубы, кинотеатры, столовые, систематически осуществляли проверку документов у всех сомнительных лиц [8, л. 327].

В годы войны прокурор СССР В. М. Бочков в качестве основной причины дезертирства военнослужащих называл «трусость и желание спасти собственную шкуру» [9, с. 50]. Однако это была доста-

точно упрощенная трактовка причин этого опасного явления. Такие факторы, как отступление Красной Армии, оккупация врагом обширных территорий, проведение нацистами пропаганды и агитации, вызывали у ряда военнослужащих чувство страха и растерянности, способствовали росту дезертирства. «Тяжелая обстановка на фронтах в первый период войны и одновременно ее замалчивание в средствах массовой информации приводили к распространению различных слухов, рождающих сомнения в победе над сильным врагом, и панические настроения» [10, с. 13]. Это также стало одной из причин массового дезертирства и уклонения от воинской обязанности.

Немаловажной причиной дезертирства являлось бездушное бюрократическое отношение местных руководителей к семьям фронтовиков [11, л. 251, 252 об.], а порой открытый произвол и издевательства над ними [там же, л. 246], что создавало почву для дезертирства [10, с. 13]. Среди уроженцев Воронежского Прихоперья, призванных в армию, было много бывших участников антибольшевистского «антоновского» выступления, которые в сводках органов безопасности всегда «характеризовались как непримиримые противники политического режима» [12, с. 183]. Среди мобилизованных Воронежского Прихоперья были лица, пережившие тяжелейшие 1930-е гг. с их варварской коллективизацией, раскулачиванием, депортацией. Были и те, кто открыто выступал «против сталинской коллективизации» [там же, с. 173] с января по март 1930 г.

В рядах РККА оказалось и достаточное количество тех уроженцев Воронежского Прихоперья, кто не мог забыть страшный голод 1931–1933 гг. и потерю своих родных в годы террора конца 1930-х гг. Эти «идеологические противники режима» и пострадавшие от советской власти не хотели гибнуть за интересы своих врагов, а некоторые из них надеялись на падение ненавистного режима [6, с. 275–276].

Активное подключение истребительных батальонов к борьбе с дезертирством приносило свои результаты. Борисоглебским истребительным батальоном совместно с городскими правоохранительными органами за период с 1 января 1942 г. по 15 октября 1942 г. только в Борисоглебске в результате проведения общегородских облав или облав на отдельных улицах было задержано более 500 дезертиров [13, л. 75].

Борисоглебский истребительный батальон имел 5 групп на периферии. Они располагались в следующих населенных пунктах: Поворино, Рождество, Калмык, Чигорак, Махровка [14, л. 10]. Общая численность этих групп составляла 111 человек [там же, л. 19].

В октябре 1942 г. в ходе проверки домовладений группой села Рождество было задержано 2 дезертира и 3 человека без документов, группой села Калмык –

5 человек без документов и 1 дезертир [там же, л. 10], скрывавшийся в землянке [там же, л. 19 об.].

Верхнекарачанский истребительный батальон за 9 месяцев 1942 г. совместно с работниками НКВД провел 62 облавы и обхода. За этот период было задержано 48 дезертиров и 18 человек, укрывавшихся и уклонявшихся от призыва. Помимо этого, среди эвакуированных на территории района были задержаны и отправлены на пункты формирования 380 человек военнообязанных [15, л. 7].

Бойцы Грибановского истребительного батальона несли патрульную службу, осуществляли внезапную проверку населенных пунктов, проводили неоднократно сплошную зачистку районного центра и прилегающих глухих улиц. В результате этих мероприятий только в ноябре 1942 г. было задержано 5 дезертиров и 18 человек, заподозренных в дезертирстве [16, л. 8].

Особое внимание было уделено железнодорожным станциям Поворино, Новохоперск, Грибановка. Здесь выставлялись контрольные посты с целью проверки документов у лиц призывного возраста и лиц, следующих в одиночном порядке [там же, л. 9].

Наличие лесных массивов в Прихоперьи позволяло значительной части дезертиров прятаться именно там. Прочесывание лесных массивов было важной формой оперативно-служебной деятельности истребительных батальонов Воронежского Прихоперья. В результате операции, проведенной в октябре 1942 г. бойцами Верхнекарачанского истребительного батальона, было обнаружено и задержано три группы дезертиров [15, л. 8].

Ряд дезертиров скрывался у родственников, в своих семьях. Они прятались в построенных сخронах, погребках, на чердаках, в сараях. При их задержании «приходилось сталкиваться с самыми изощренными способами маскировки дезертиров» [17, с. 262]. В октябре 1942 г. дезертир из села Нижний Карачан был извлечен из норы, которая была прорыта в погребке его двора и хорошо замаскирована. В указанной норе дезертир прятался с сентября 1941 г. до его поимки 20 октября 1942 г. [15, л. 8 об.]. В Борисоглебске задержали дезертира, переодетого в женское платье [там же, л. 22], который в течение года скрывался в доме своих родственников [13, л. 76], и дезертира, прятавшегося в течение семи месяцев на сеновале [14, л. 23].

Существенный вклад в выявление и задержание дезертиров в Воронежском Прихоперьи внесли группы содействия, которые первоначально создавались для информирования истребительных батальонов обо всех случаях появления парашютистов и диверсантов противника [18, л. 20]. Командование истребительных батальонов Воронежского Прихоперья особенно активно работало с группами содействия населенных

пунктов, прилегающих к лесным массивам, где могли скрываться дезертиры. В Борисоглебском районе это были села Чигорак, Богана, Махровка, Рождество, Калмык, Петровское, Жулевка, Ульяновка [14, л. 23]. Грибановский истребительный батальон располагал активными группами содействия в селах Большие и Малые Алабухи, Малая Грибановка, которые систематически привлекались для прочесывания лесных массивов [16, л. 8]. Численность этих групп была от 15 до 30 человек.

Успешная борьба с дезертирством в Воронежском Прихоперьи напрямую зависела от общественной поддержки. Особенно значима эта поддержка была в селах, всегда отличающихся очень высокой степенью социального контроля. В сельской местности скрывалась значительная часть дезертиров. В первые полгода войны сельские жители не проявляли особой активности в выявлении дезертиров, зачастую просто боясь мести со стороны их родственников. С 1942 г., как показывают архивные документы, сельские жители Воронежского Прихоперья стали более смелыми, решительными и инициативными в деле выявления дезертиров. Именно с 1942 г. основная часть населения Воронежского Прихоперья стала осознавать, что дезертиры представляют серьезную угрозу государственной безопасности, и полностью поддержала политику государства в вопросе борьбы с дезертирством. Это позволило в ноябре 1942 г. Верхнекарачанскому истребительному батальону получить сведения о двух дезертирах, скрывающихся в селе Васильевка, 12 дезертирах – в селе Верхний Карачан, 12 дезертирах – в Карачанском лесном массиве, 20 дезертирах – в землянках лесного массива «Березняки» [15, л. 10].

Самой активной частью населения Воронежского Прихоперья, содействующей властям в выявлении и задержании дезертиров, были подростки и молодежь, воспитанные в условиях советской власти. Основной костяк бойцов истребительных батальонов Воронежского Прихоперья составляли лица допризывного возраста, несшие службу без отрыва от учебы или постоянной работы. Значительная часть бойцов истребительных батальонов из партийного и советского актива постоянно отвлекалась на выполнение других неотложных задач и не могла играть определяющей роли, как того требовали руководящие документы.

В декабре 1942 г. отличился командир отделения Борисоглебского истребительного батальона А. М. Дьяков, 1925 г. рождения, член ВЛКСМ. Он задержал троих дезертиров и принял участие в ликвидации бандитской группы. При прочесывании лесного массива около реки Хопер, благодаря ему, группа дезертиров в количестве пяти человек была ликвидирована [14, л. 24]. Осенью 1942 г. при задержании дезертиров отличились бойцы этого же ба-

тальона семнадцатилетние Е. В. Белоусов [там же, л. 22] и Ю. П. Попович [там же, л. 23]. Архивные документы содержат указание на многочисленные примеры подобных действий их сверстников.

Население районных центров Воронежского Прихоперья со второй половины 1942 г. также активизировалось в плане оказания помощи правоохранительным органам в борьбе с дезертирами. Получая информацию от наиболее сознательных горожан о местах возможного нахождения дезертиров, бойцы Борисоглебского истребительного батальона совместно с работниками милиции при проведении двух массовых проверок домовладений за период с 25 октября по 20 ноября задержали 4 дезертиров и 11 лиц, подозреваемых в дезертирстве и не имеющих документов [там же, л. 10]. А за период с 20 ноября по 20 декабря 1942 г. было задержано 28 дезертиров, 34 человека, уклоняющихся от призыва, и 23 лица без документов, подтверждающих их увольнение из воинских частей [15, л. 16].

В ходе оперативных мероприятий Верхнекарачанским истребительным батальоном в ноябре было задержано 3 дезертира и 11 человек без документов [там же, л. 20], а в декабре – 5 человек без документов [там же, л. 35] и 2 дезертира [там же, л. 41]. Грибановский истребительный батальон за первый зимний месяц задержал 1 дезертира и 32 подозрительных лиц без документов.

Эффективность деятельности истребительных батальонов со второй половины 1942 г. заметно возросла в связи с назначением в эти военизированные формирования освобожденных начальников штабов [19, л. 1].

Активизация борьбы с дезертирами истребительными батальонами Воронежского Прихоперья в 1942 г. способствовала обеспечению безопасности нашего тыла и пресечению противоправных действий дезертиров. Эти военизированные формирования стали надежной опорой силовых структур и внесли весомый вклад в выявление и задержание дезертиров в суровые годы войны на территории Воронежского Прихоперья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. Р-5446. – Оп. 106. – Д. 20.

Борисоглебский филиал Воронежского государственного университета

*Муминова Е. М., кандидат исторических наук, доцент кафедры социальных и гуманитарных дисциплин
E-mail: mum.ekaterina@yandex.ru*

2. Российский государственный архив социально-политической истории. – Ф. 17. – Оп. 163. – Д. 1316.

3. Борисоглебский муниципальный архив. – Ф. 33. – Оп. 1. – Д. 55.

4. Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИ-ВО). – Ф. 3. – Оп. 1. – Д. 3633.

5. *Концова Е. Н.* Работа политорганов и морально-психологическое состояние личного состава Красной Армии на завершающем этапе Великой Отечественной войны : исторические реалии и современные представления / Е. Н. Концова // Великая Отечественная война – известная и неизвестная : историческая память и современность : материалы междунар. науч. конф. (Москва – Коломна, 6–8 мая 2015 г.) / отв. ред.: Ю. А. Петров ; Ин-т рос. истории Рос. акад. наук ; Рос. ист. о-во ; Китайское ист. о-во и др. – М. : [ИРИ РАН], 2015. – С. 234–245.

6. *Игнатов В. Д.* Дезертиры в истории России и СССР / В. Д. Игнатов. – М. : Вече, 2018. – 528 с.

7. Архив УФСБ РФ по Воронежской области. – Ф. 9. – Оп. 10. – Д. 55. – Т. 2.

8. ГАРФ. – Ф. 9415. – Оп. 3. – Д. 4.

9. *Жирнов Е.* За полгода войны осуждено 90 322 военнослужащих / Е. Жирнов // Коммерсантъ Власть. – № 4 (958). – 30.01.2012. – С. 46–51.

10. *Гусак В. А.* Дезертирство из Красной Армии как социальная основа преступности в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / В. А. Гусак // Вестник ЮУрГУ. – 2008. – № 8. – С. 9–16.

11. Центр документации новейшей истории Тамбовской области. – Ф. 1044. – Оп. 1. – Д. 5175.

12. *Михеев В. И.* Из истории деятельности ОГПУ Центрального Черноземья / В. И. Михеев // Исторические чтения на Лубянке : 1997–2008. – М. : Кучково поле, 2008. – С. 173–188.

13. ГАОПИВО. – Ф. 42. – Оп. 1. – Д. 42.

14. Государственный архив Воронежской области (далее – ГАВО). – Ф. Р-1855. – Оп. 1. – Д. 15.

15. ГАВО. – Ф. Р-1855. – Оп. 1. – Д. 18.

16. ГАВО. – Ф. Р-1855. – Оп. 1. – Д. 26.

17. *Шамаев В. Г.* Во имя спокойствия и безопасности державы : 100 лет Управлению ФСБ России по Воронежской области / В. Г. Шамаев. – 2-е изд., испр. и доп. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2020. – 460 с.

18. ГАВО. – Ф. Р-1855. – Оп. 1. – Д. 1.

19. ГАВО. – Ф. Р-1855. – Оп. 1. – Д. 3.

*Borisoglebsk Branch of Voronezh State University
Muminova E. M., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines
E-mail: mum.ekaterina@yandex.ru*